

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)
В78

Вострышев, Михаил Иванович.

В78 Москва Первопрестольная. История столицы от ее основания до крушения Российской империи / Михаил Вострышев. – Москва : Алгоритм, 2016. – 448 с. : ил. – (Подарочные издания. Московведение).

ISBN 978-5-906861-55-9

Москва — город особенный и неповторимый. Это первая, древнейшая столица нашей родины — это сердце России!

За свою более чем восьмивековую жизнь Москва видела и нашествие завоевателей, и праздничные салюты побед, и казни предводителей народных восстаний, и революционные потрясения. В Москве история как бы окружает нас, каждый шаг вызывает в памяти ее отдельные страницы.

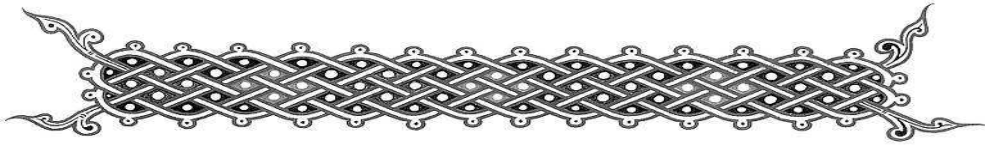
Книга рассказывает о наиболее важных событиях в истории Москвы, о роли столицы и ее жителей в становлении Российского государства. Воедино соединены труды нескольких десятков выдающихся историков и писателей XIX—XX веков.

Проиллюстрировано это эксклюзивное подарочное издание уникальными гравюрами, произведениями живописи и фотоматериалами из фондов Отдела изобразительного искусства Российской государственной библиотеки, Государственного исторического музея и Государственной Третьяковской галереи, большинство из которых до сих пор неизвестно современникам.

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

ISBN 978-5-906861-55-9

© Вострышев М. И., 2016
© ООО «ТД «Алгоритм», 2016

Державный град

Мы — москвичи. Что делать, милый друг!
Кинь нас судьба на север иль на юг, —
У нас везде, со всей своею славой,
В душе — Москва и Кремль золотоглавый;
В нас заповедь великая жива,
И вера в нас досель не извелася,
На коих древле создалась Москва
И чрез нее — Россия создалася.

Аполлон Майков

Исполинским амфитеатром нависают над центром столицы Воробьевы горы. Прямо под ними, на пойменном левом берегу Москвы-реки, раскинулся самый крупный в России стадион «Лужники». А еще каких-нибудь сто лет назад там, в Лужнецкой слободе, были лишь огороды да знаменитый Вавилон-колодец — морское ухо, которое, по местному преданию, со временем затопит весь город. Чуть левее — Новодевичий монастырь, чья история тесно связана с возвышением Московского государства и превращением его в мощную империю. На дальнем плане дугою встали высотные дома середины XX века, а среди облаков парит шпиль Останкинской телебашни.

А вот и Кремль — золотая корона города на Боровицком холме, сверкающая куполами старинных соборов. Здесь под балдахинном, в порфире и короне, со скипетром и державой в руках, присягали на верность Отечеству российские цари. Здесь, облаченные в одежды святых предшественников, принимали символы патриаршей власти первоиерархи Русской Церкви. Здесь были собраны величайшие православные святые... Старец Филофей, живший в начале XVI столетия, сравнивая Москву с Римом и Константинополем, назвал богоспасаемый русский град Третьим Римом: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Другие называли первопрестольную столицу: Дом Пресвятой Богородицы, Второй Иерусалим, Новый Сион, Небесный град, Алтарь России...

Стрельцы XVII века

Множество московских окрестностей имеет свой неповторимый, милый сердцу отпечаток. На правом, низком берегу Москвы-реки, в ее излучине, напротив древнейшего центра города раскинулось Замоскворечье со своими невысокими причудливыми домиками, выстроенными купцами и мещанами, со знаменитой Третьяковской галереей, множеством торжественных храмов в тихих переулочках. Здесь особая страна, как выразился уроженец Замоскворечья А.Н. Островский. Коренной москвич поведет вас в Кремль, на Соборную площадь, и будет вспоминать, что на этом месте стоял когда-то его предок с другими стрельцами, а с Красного крыльца с криками «Любо вам, братья?!», раскачав, бросали им первых царских советников. «Любо!» — ревели в ответ стрельцы, подхватывая на пики очередного боярина. Другой москвич укажет из окон своего дома на Сретенке место, где стояла Сухарева башня, построенная Петром Великим в честь стрелецкого полковника, не изменившего в трудную для царя минуту. Третий, двуперстно крестясь, расскажет о благолепии староверческих часовен, где казненные *Петром-крокодил* стрельцы почитаются за святых. Мученическую приняли они смерть и после нее не нашли успокоения, ибо головы их понатыкали на стенах Белого и Земляного города. «Что ни зубец, то стрелец», — сложил печальную поговорку народ и, затаив лютую обиду на власть, жаждал вновь услышать набатный гул колоколов, созывающий московский люд на мятеж...

Москва со своими парками и бульварами, прудами и речками, дворянскими особняками и дворами жилых домов создает самобытную, живописную, ни с чем не сравнимую панораму. Кусково, Останкино, Измайлово, Ховрино, Косино, Арбат, Крутицы... Нет, невозможно перечислить все городские окрестности, в которых сохраняется дух славного прошлого России. Русскую историю здесь можно изучать, прохаживаясь по переулкам, разглядывая старинные дома и храмы, вникая в смысл названий улиц и площадей.

У Москвы нет правильной и строгой красоты европейского города. Ее красота — это красота усадьбы, монастыря, переулка, базара. Все в ней смешано, перепутано; каждый уголок имеет свое особенное очарование, свои предания и тайны.

Два века назад составитель «Географического словаря Российского государства» Афанасий Щекатов утверждал: «Москва — первопрестольная столица всяя России, известная своей древностью и пространством, знаменитая многолюдством и великолепнейшими зданиями, славная достопамятными происшествиями, в разные времена в ней случившимися, и рождением в стенах ее великих государей, незабвенных патриотов и мужей бессмертных, по справедливости почитающаяся в числе главнейших городов Европы».

У Никольских отвечают:
«Славен Киев!» — говорят.
И у Троицких не спят:
«Славен Новгород!» — кричат.
«Славен Псков!» — у Боровицких.
«Славен Суздаль!» — у Тайницких.
И гремят в ночи слова:
«Славен, славен град Москва!»
Славен город наших дедов,
В жизни многое изведав,
Сколько войн и сколько бед,
Сколько радостей побед!
И над всеми временами
Древний Кремль, хранимый нами,
Нас хранит из года в год —
Наша гордость и оплот!
Ну-ка снимем шапки, братцы,
Да поклонимся Кремлю,
Это он помог собраться
Городам в одну семью.
Это он нам всем на славу
Создал Русскую державу.
И стоит она века
Нерушима и крепка.
А преданья старины
Забывать мы не должны.
Слава русской старине!
Слава нашей стороне!

«Кто был в Москве, знает Россию» — эти слова Н.М. Карамзина не легковесное хвастовство старого московского жителя, а зрелое умозаключение знаменитого историографа.

Как-то быстро и необратимо этот небольшой городок Суздальской земли стал центром обширного государства, собрал вокруг себя и удержал большинство исконных русских земель. Хотя в начале XVIII века белокаменная кружевница и потеряла блеск царского двора, переселившегося в северную столицу, но навсегда осталась средоточием народной жизни и религиозным центром.

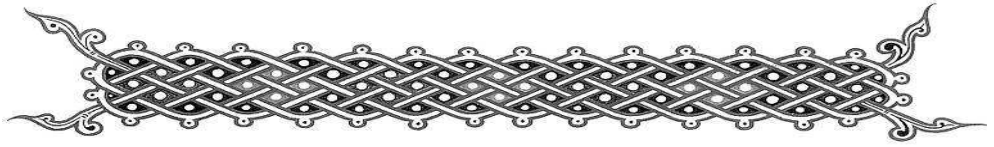
Деятнадцатый век принес в Москву особый дух крупного предпринимательства, щедрого меценатства, искренней благотворительности. Проницательный А.С. Пушкин отметил: «Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промыш-

ленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развивалась с необыкновенной силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством». Каждый год был отмечен появлением новых заводов и фабрик, театров и музеев, богаделен и больниц, домов дешевых квартир и приютов. Москвичи строили добротнo — на века. И главным человеком в городе, несмотря на обилие праздных людей, был человек труда.

Замоскворечье. Рисунок А.А. Мартынова

Двадцатый век во многом изменил облик и быт Москвы. Одним горожанам перемены нравились, другие жалели безвозвратно ушедший старинный уклад жизни. Ничего не поделаешь — всем не угодишь. Москва слезам не верит, она кому мать, кому мачеха. Москва веками строилась, и душу ее уничтожить ни у кого не хватит сил. Она стала многомиллионным цивилизованным городом, центром российской науки, просвещения, искусства, технического прогресса и даже спорта.

СОБИРАТЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Юная Москва

На месте Святого озера в Косине жили когда-то старец-священник и пустынный Букал. У них была маленькая церковь, в которой они молились. Потом Букал ушел отсюда и поселился на высоком берегу реки Москвы. Здесь ему было откровение во сне, что на месте его нового жилища возникнет большой город, вынесет много испытаний от врагов, но потом будет знаменитее всех городов русских.

Отправился Букал рассказать о своем видении старцу-священнику. Когда рассказ был окончен, оба стали молиться за судьбу будущего города, и во время совершения священником литургии их церковь стала медленно погружаться в воду, а на ее месте образовалось озеро.

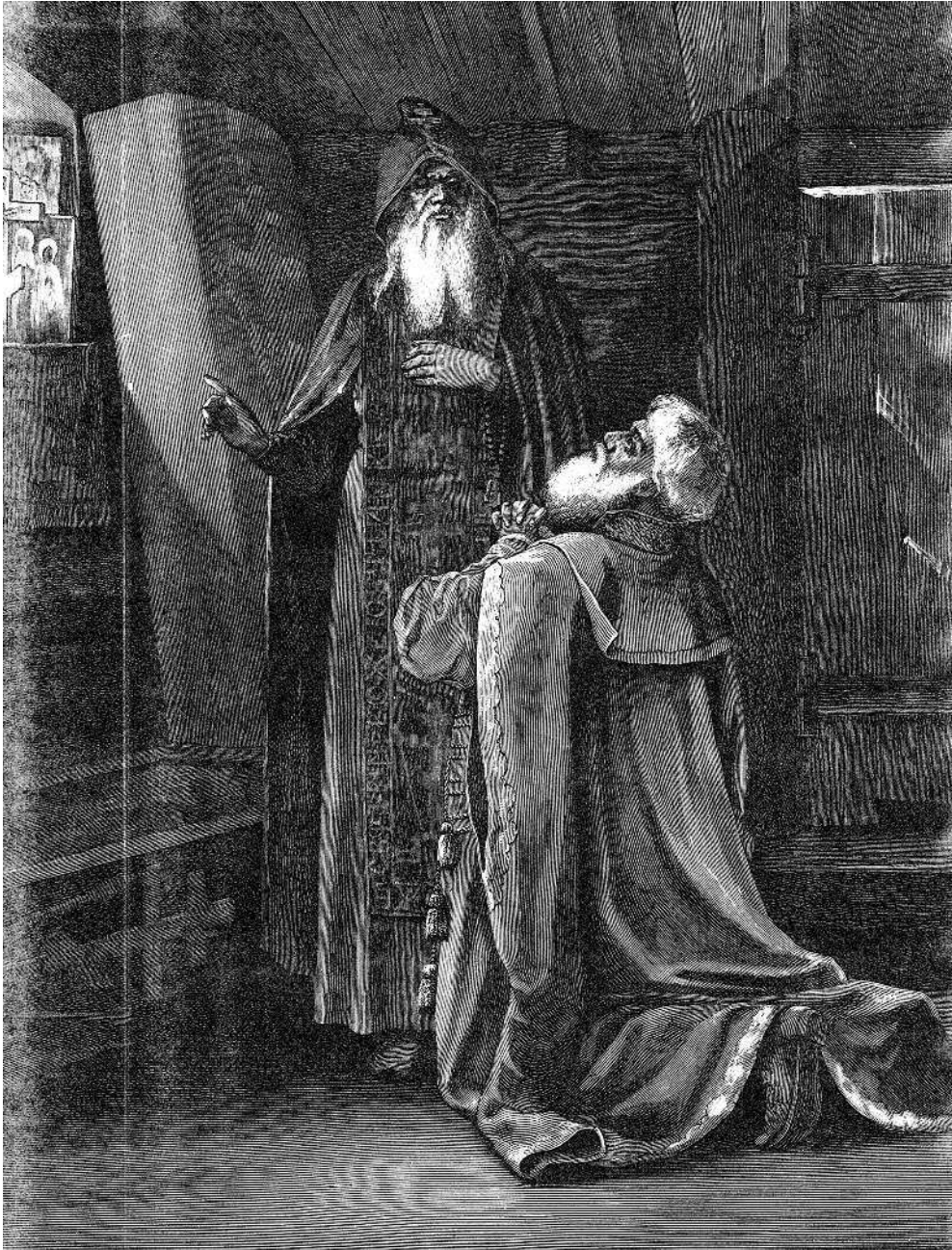
Достойным верующим, добавляет предание, и теперь слышны молитвы, которые возносят за Москву пустынный Букал и старец-священник.

Это было много лет тому назад. Святая Русь держалась сильными князьями, сидевшими на своих удельных престолах. Одно за другим разрастались и крепи княжества, а потом слабели и беднели.

В Суздальском княжестве, на перевале от Москвы-реки к Клязьме и Яузе, посредине Кучкова поля стояла большая усадьба князей Долгоруких. Здесь в 1147 году князь Юрий Долгорукий давал пир своему союзнику князю Северскому Святославу Ольговичу. Да такой пир, что о нем пронесся слух по всей Руси. Много народа съехалось тогда на московские и клязьминские берега. Но потом княжеская усадьба опять опустела. Однако ненадолго.

Весной 1156 года пришла гроза на московские леса — рать княжеских дружинников напала на них с острыми топорами. Крепкие березы, клены, сосны, дубы падали сотнями. Скрипели колеса и оглобли тяжелых телег, ржали кони. Голоса работников сливались в дружный гул. Что же творилось в Москве-усадьбе?

На московских холмах рубили крепкий городок, чтобы было где обороняться от вражеских набегов. Как по щучьему велению, вырастали бревенчатые срубы, на зеленых лугах чернели валы да рвы. Под удалую песню бодро и дружно работали суздальцы. Жаркий весенний день

В келье схимника. Художник К.В. Лебедев

парил солнышком. Быстрые речные струи журчали и пенились под крутыми берегами.

— Ишь ты, как в лесу валежник трещит! — говорил рыжий дюжий суздалец, отирая пот с покрасневшего лица. — Уж не медведь ли к нам на потеху идет?

— Какой тебе медведь! — отозвался другой работник. — Мы тут такой шум подняли, весь зверь разбежался.

Но вот сучья затрещали сильнее, и на прогалину из леса вышли двое. Оба седые, но крепкие телом. Одежда из лохмотьев на них едва держалась.

— Отколь вы? — малость струхнув, спросил рыжий.

— Из леса, — степенно отвечали пришельцы в один голос. — Вы нас не пугайтесь. Мы издавна в приклязьминских лесах живем. Смолу гоним, грибы сушим да молимся за свои грешные души.

— Чего ж вам надо?

— А вот присядьте-ка, братцы. Мы вам чудное дело поведаем.

Все расселись на свежих пнях.

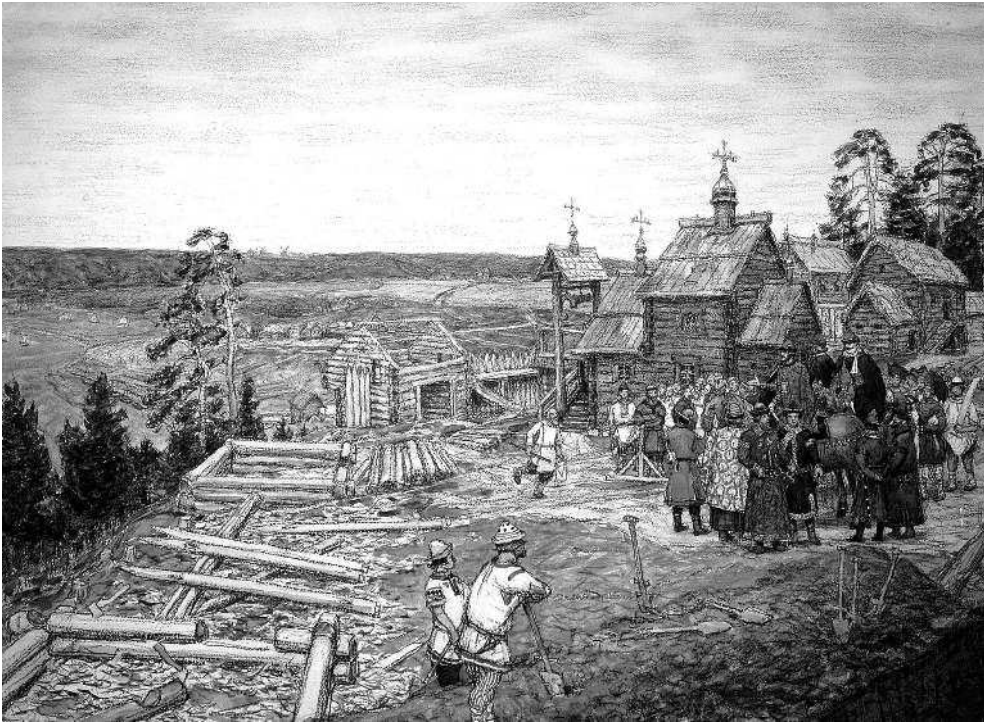
— Ушли мы смолоду с братом от мирской суеты в уединение. Мы словно иноки-пустынники, только без пострига. И ладно жилось нам в лесу, не чаяли и выходить к людям. В одиночестве-то и грешишь меньше, и на душе покой да мир. Но как-то ночью приснился нам с братом вещий сон. Явился нам светозарный старец и сказал: «Идите, рабы Божьи, к людям суздальским и помогайте им ставить новый великий град. От того града на святой Руси вечная слава будет — на нем почует благословение Господне». Вот мы и пришли, братцы, к вам на подмогу.

— Что ж, милости просим, — молвил десятник. — Потрудитесь вместе с нами.

— Дадим-ка им, ребята, рубахи и порты, — сказал один из суздальцев. — Не от себя ведь пришли, от Бога.

Живо одели княжеские ратники пришельцев, дали им хлеба, облакали, приветили. Чист был в те времена душой и верой русский люд. Никто в словах не усомнился. И принялись лесные пустынники за работу. Тут уж все суздальцы на них воззрились: с чисто медвежьей силой рубили они столетние стволы, бревна, которые троим лишь под силу, в одиночку таскали к срубам. Глядя на них, быстрее заработали и суздальцы. Дивились десятники да сотники: почитай, в одно утро был срублен и слажен целый угол кремлевского острога.

От усадебных хором показались конники. Ехали они шибко, поспевая за седым боярином. Золотая пряжка на боярской шапке далеко светилась, конская сбруя отливала серебром. Подъехал боярин Дружина Святославич к работникам, снял шапку и молвил:

Основание Москвы. Постройка стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 году.
Художник А.В. Васнецов

— Бог в помощь!

— Милости просим! Добро пожаловать! — сотнями голосов загудела толпа.

— Ай да работники! Лихо у вас дело спорится, — дивился боярин, оглядывая сруб. — Спасибо!

Поглядели на боярина дружинники, помолчали, почесали в затылках. Наконец один набрался смелости:

— Не нам спасибо, честной боярин, а вот новым работничкам, что из лесу пришли.

— Как из лесу? — удивился боярин, глядя на пустынников, которых подвели к его коню.

Десятник, переминаясь с ноги на ногу, рассказал о чудном появлении неведомых людей и вещем их сне. Долго боярин Дружина Святославович глядел на пришельцев. От глубокой думы чело его пошло морщинами.

— Верно ли? — спросил их.

— Истинно так, боярин, — промолвил старший. — Только не все поведал я твоим работникам, не все вещие слова святого старца переска-

зал. Великое от него сияние исходило. Пославши нас на работу, он еще молвил такие слова: «От града новосозидаемого пойдет слава по белу свету, как от Царьграда. Будет он больше и краше всех городов русских. Сядут в нем на престол могучие московские цари, святители православной церкви утвердят в нем христианское благочестие. И будет в великом граде Москве множество Божьих храмов, и державы иноземные понесут ему честь и поклоны. От моря до моря раскинется Московское царство, великое, неразделимое, неборимое. Будет оно крепко силой воинской, единым духом народа русского. Слава, слава, слава граду Москве — великому, вечному!» Вот что вещал нам святой старец, представший в сновидении.

И осенил себя говоривший широким крестом. Перекрестился и боярин.

— Чудны дела Твои, Господи! — молвил он, вздыхая. — Ну, стройте, братцы, великий град Москву с помощью Господней!

Иван Калита

«Вообще Москва заставила меня переселиться в другой мир — мир древности... Знаете что, я был космополит, а теперь какое-то перерождение, мне становится близким все русское».

Модест Мусоргский

Издали видны на высокой круче крепкие стены со стрельницами, заборолами (защищенными бревенчатым бруствером площадки, идущим по верху крепостной стены), с тяжелыми, окованными железом воротами. За ними тесно скучились строения княжеского города. Почти посередине поднимается на высоких подклетьях терем самого князя. Он срублен из толстых дубовых бревен, изукрашен резьбой и пестрой росписью. Высокое крыльцо с широкими лестницами и узорчатыми колонками ведет к терему со двора. Вокруг в беспорядке разместились княжеские амбары, закрома, погреба, конюшни, хлева, поварня, избы слуг, дворовых людей и холопов. Среди них стоят и хоромы кое-кого из бояр, к ним жмутся их службы.

Над темными крышами жилых и хозяйственных построек блестят золотые кресты московских церквей. Много их воздвигнуто в городе усердием князя Ивана и его благочестивых предков. В западной части, почти у Боровицких ворот, стоит самая древняя московская святыня — церковь Рождества Иоанна Предтечи. Она поставлена еще при князе Юрии Долгоруком и срублена, говорят, из сосен того самого бора, кото-

Освящение Успенского собора в Московском Кремле в 1327 году.

Художник И.А. Заборовский

рый покрывал тогда весь Боровицкий холм и от которого теперь лишь кое-где среди строек да за стеною уцелели отдельные деревья.

Возле самого княжьего терема стоит другая старая церковь — Спаса на Бору. При церкви — монастырь. Старый град князя Юрия Долгорукого был гораздо меньше теперешнего, и монастырь тогда находился за воротами, в бору. Теперь он оказался почти посередине Кремля. Любит князь Иван эту монашескую обитель, часто заходит послушать наставления старцев и жертвует богатые вклады в монастырскую казну.

Но гораздо дороже древних святынь для него только что освященный собор во имя Успения Божьей Матери — единственное каменное здание во всем городе. Его белые стены красиво выделяются среди темной массы других строений. С небольшим год тому назад заложил собор князь Иван вместе с покойным митрополитом Петром. Не дожил владыка до окончания постройки, и по завещанию его похоронили под новой церковью, а над его гробом князь Иван повесил лампаду, которая горит день и ночь. Там же, под храмом, похоронил московский князь и своего старшего брата Юрия, погибшего в Орде от руки тверского князя Дмитрия.

На Подоле, у Москвы-реки, под охраной кремлевских стен раскинулся торг. У пристани останавливаются ладьи с товарами, пробирающиеся к Смоленску, Новгороду, в стольный Владимир-на-Клязьме, Рязань-на-Оке, и дальше Волгою — в Сарай, к самому великому хану. Мытники со всех проезжающих купцов берут два алтына с ладьи и один алтын со струга.

Через реку устроен мост, от него через широкий пойменный луг, на котором пасутся княжеские табуны, бежит серой лентой большая Ордынская дорога на Рязань и дальше — в Орду. Навстречу Ордынской изпод восточной стены города подходит большая Смоленская дорога, которая ведет в Смоленск и к Волоку-на-Ламе (Волоколамску), где купцы переволакивают свои лодки из Ламы в Шошу, чтобы плыть к Волге. С каждого купеческого воза, проезжающего этими дорогами, и с каждого человека тоже берут мыт. Если же кто из купцов хочет поторговать на московском торгу, тот платит особую пошлину.

На торгу видны лавки и амбары московских купцов, в базарные дни сюда съезжаются окрестные крестьяне с деревенскими товарами, приносят свои изделия ремесленники из пригородных слобод и посада, и начинается бойкая торговля. Конечно, далеко еще здешнему торгу до новгородского, но и отсюда немало денег благодаря мытам попадает в казну князя Ивана.

Уже несколько дней на Москве необычные хлопоты и суета. Пришла весть, что тверичане, не стерпев обид ханского посла Чолхана, убили и его самого, и почти всех его воинов. Тверской князь Александр не сумел

Иван Данилович Калита раздает милостыню

остановить своих буйных подданных и защитить ханских посланников. Князь Иван, посоветовавшись с боярами, решил ехать в Орду, чтобы, воспользовавшись гневом хана, вернуть Москве великое княжение.

Третий день холопы и княжьи люди грузят все необходимое в лодки на Клязьме у места, где выходит к ней волок из Яузы (село Болшево). Князь приедет сюда с боярами и слугами на конях и сядет в ладью.

Перед отъездом князь Иван подолгу толкует у себя в сенях с остающимися боярами, как беречь им княгиню с детьми и управлять княжеством в его отсутствие. Путь в Орду опасен, как встретит хан, неизвестно, и диктует князь дьяку «грамоту душевную»: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се аз грешный худый раб Божий Иван пишу душевную грамоту, идя в Орду, никем не нужен*, целым своим умом, в своем здоровии».

Кроме Москвы у князя Ивана пять городов. Много еще сел, слобод и волостей. Живут в них бортники, бобровники, рыболовы, пашенные смерды, с которых княжьи тиуны собирают оброк. Покидая Москву, князь Иван оставляет старшему сыну Семену Можайск и Коломну,

---

* Не принуждаем.

Ивану — Звенигород и Рузу, Андрею — Серпухов. Зовет Иван боярина-казначей, велит ему отпереть сундуки, вынимает накопленные им и его предками богатства и делит между сыновьями. Каждому достаются и чаши золотые, и цепи драгоценные, и златотканые пояса, и драгоценное платье. Обо всем позаботился князь, каждой вещи нашел хозяина, недаром же за скопидомство прозвали его Калитой, что значит «мешок с деньгами».

Назавтра, отстояв до зари обедню в Успенском соборе, отслужив молебен Божьей Матери и панихиду у гробниц святителя Петра и брата Юрия, попрощавшись с княгиней, детьми и домочадцами, трогается князь в путь. До Клязьмы с ним едут множество бояр и слуг, дальше будут сопровождать двое бояр и небольшой отряд. Княгиня с детьми восходит на кремлевскую стену и долго смотрит вслед отъезжающим, пока те, переехав моховым болотом за рекою Неглинною, не скрываются из глаз за холмом у Кучкова поля.

В Орду князь Иван, как всегда, явился не с пустыми руками, он поднес богатые дары хану, ханшам и всем мурзам. Хан был с ним ласков, но ярлык на великое княжение пока не дал, а велел наказать буйных тверичей и их князя Александра.

Ранней зимою по первому снегу двинулся Иван обратно. С ним шел татарский отряд в пятьдесят тысяч всадников под командой пяти темников. Пройдя покорную хану Рязань, войско вступило в Суздальское княжество. Тут к татарам присоединились воины Ивана и суздальского князя. Как грозная лавина прошли они по тверской земле. Князь Александр не осмелился выйти им навстречу и бежал в Новгород. Однако новгородцы его не приняли, боясь, что Москва закроет путь их купцам и оставит без хлеба. Пришлось укрываться Александру в Пскове.

Татары разграбили тверские и новгородские земли, разорили Тверь, Кашин и Торжок, грабили и боярские палаты, и бедные хижины, многих увели в полон. Только в Москве и во всей вотчине князя Ивана не пострадал ни один холоп. В середине зимы он вновь побывал в Орде и получил от хана Узбека ярлык на великое княжение.

В Московской земле наступили времена тишины и спокойствия, из опустошенных татарами русских земель шли сюда крестьяне и посадские люди. Князь Иван и бояре принимали их с радостью, отводили земли в своих волостях и селах, давали льготы и подмогу. Даже бояре из других городов бросали своих князей и шли на службу в Москву. Возвращаясь из Орды, князь Иван каждый раз приводил толпы выкупленных им русских пленников и селил их в пустынных местах своего княжества, помогая обзавестись хозяйством и не беря оброка в течение нескольких лет. Зато потом от обустроенных и расчищенных пашен начинал получать изрядные капиталы в свою казну.

Москва богатела и становилась самым сильным городом на Руси.